

ИДЕОЛОГИЯ VS. ПОЭТИКА: КОММЕНТАРИИ К ЮБИЛЕЙНОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ ГЕТЕ (1932–1949)

Информация об авторе: Ирина Николаевна Лагутина, доктор филологических наук, профессор Школы филологических наук, Национальный исследовательский университета «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, 101000 г. Москва Россия.

E-mail: irina.lagoutina@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме инструментализации литературы в советской идеологии сталинской эпохи 1930-х гг. В ней исследуется (не) возможность для ученых-гуманитариев 1930-х годов сохранять баланс между поэтикой и идеологией в работе с классическим материалом, в частности, интерпретировать творчество Гете на границе между марксизмом и буржуазным литературоведением, между Энгельсом и Гундольфом. На примере издания Юбилейного собрания сочинений Гете, запланированного к 100-летию со дня его смерти, рассматривается состав и структура комментариев академического собрания сочинений зарубежного писателя-классика, разработанная руководителем проекта А.Г. Габричевским. В основе его концепции — соединение трех составных частей: концептуальная комментирующая статья, фактографические примечания и комментарии, излагающие принципы перевода.

Ключевые слова: Юбилейное собрание сочинений Гете, А.Г. Габричевский, комментарии, идеология, поэтика.

© 2024. *Irina L. Lagutina*

IDEOLOGY VS. POETICS: COMMENTARIES ON THE ANNIVERSARY EDITION OF GOETHE'S WORKS (1932–1949)

Information about the author: Irina N. Lagutina, DSc in Philology, Professor, School of Philology, National Research University “Higher School of Economics”, Miasnitskaia 20, 101000 Moscow, Russia.

E-mail: irina.lagoutina@inbox.ru

Abstract: This article examines the instrumentalization of literature in Soviet ideology during the Stalin era. It considers the (im)possibility for humanities scholars in the 1930-s to maintain the balance between poetics and ideology while working with classical material, in particular, to interpret Goethe's works on the edge between Marxism and bourgeois literary studies, between Engels and Gundolf. The Anniversary Edition of Goethe's Works, scheduled for the 100th anniversary of the author's death, illustrates the structure and composition of commentaries in academic publications of foreign classical writer's collected works, developed by the curator of the project, A.G. Gabritchevsky. His main idea was based on three components: a conceptual commenting introduction, “factographic” notes, and commentaries explaining the principles of translation.

Keywords: Anniversary Edition of Goethe's Works, A.G. Gabritchevsky, commentary, ideology, poetics.

Литературные юбилеи сталинской эпохи, которые являлись не только инструментом культурной политики, но и механизмом идеологического воздействия, выходили за рамки собственно биографического, литературного или художественного события, а использовались властью как мощный источник необходимых идеологических клише, которые впитывались и воспринимались на уровне массового сознания.

1932 год соединил два юбилея: 100-летие со дня смерти Гете и празднование 15-летия Октябрьской революции. Проведенные на государственном уровне как всенародные торжества — культурное и политическое, они создавали мощный эффект эмоционального резонанса, выявляющего в литературном факте политический смысл, став «праздниками социалистической культуры», доказательством жизнеспособности осуществлённой социальной утопии, частью которой был и новый литературный канон, куда был включен и Гете, осененный именами Маркса и Энгельса. В такой ситуации немецкий классик становится знаковой фигурой, обладающей мощным ресурсом необходимых эпохе идеологических и политических смыслов. В центральной «Литературной газете» в дни юбилея появляется целая подборка статей, посвященных Гете, их девизом может стать тезис, что «гетевское наследство принадлежит только нам — мировому пролетариату в стране победившего социализма, партии, руководимой Сталиным» [Авербах, 1932, с. 3]. «Пролетариат» провозглашается «верным наследником великих мыслителей и великих поэтов-классиков молодой Германии и среди них быть может величайшего — Иоганна Вольфганга Гёте», как скажет Луначарский в докладе, прочитанном 22 марта 1932 г. в Доме союзов на вечере, посвященном столетию со дня смерти немецкого поэта. Юбилей «нового», «советского» Гете был важен для демонстрации коренного различия между культурно-политическим строительством в Советском Союзе и культурной политикой «буржуазных» стран Европы, и прежде всего Германии, где в недрах консервативной революции уже вызревал национал-социализм.

Наряду с многочисленными торжественными мероприятиями по всей стране, посвященными Гете (вечера, конференции, концерты, спектакли, выставки), было запланировано издание 13-ти томного Юбилейного собрания Гете под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова, которое выходило в течение

1932–1949 гг. в Государственном издательстве художественной литературы¹.

Как было указано в опубликованном «Перспективе Юбилейного собрания сочинений Гете» (1932), к его подготовке были привлечены крупнейшие советские германисты — литературоведы, искусствоведы и философы — А.Г. Габричевский, М.Н. Розанов, М.А. Петровский, С.В. Шервинский, П.С. Коган, В.М. Жирмунский, В.И. Вернадский, а для новых переводов приглашены известные поэты — такие как Б. Пастернак, М. Волошин, М. Кузьмин, В.И. Иванов и другие [Перспектива Юбилейного собрания..., 1932, с. 15]. Многие из них являлись бывшими сотрудниками закрытой к этому времени Государственной Академии художественных наук (ГАХН), где А.Г. Габричевский — выдающийся искусствовед, литературовед и переводчик — возглавлял комиссию по изучению творчества Гете. Когда в 1929 г. начинается подготовка нового собрания сочинений Гете, Габричевский назначается руководителем проектной группы, и ему поручается не только редакторская работа, но подбор и приглашение авторов — переводчиков и комментаторов. Как пишет М.Н. Розанов в комментариях к третьему тому, издание следует традиции структурирования собрания сочинений, установленной самим Гете [Розанов, 1933, с. 5] — лирика, эпические поэмы, драмы в прозе, драмы в стихах, «Фауст», романы и новеллы, «Годы учения Вильгельма Мейстера», «Годы странствий Вильгельма Мейстера», «Поэзия и правда», «Путешествие в Италию», письма и дневники, научные сочинения. Выход первых двух томов, редактором которых стал Габричевский (первый том посвящен лирике Гете, второй — юношеским пьесам и эпическим поэмам) был приурочен к столетнему юбилею смерти Гете 22 марта 1932 г.

Когда в середине 1930-х гг. начинаются репрессии, большинство подготовителей издания были арестованы, в 1945 г. умер В.И. Вернадский, который должен был редактировать том, содержащий научные сочинения Гете, и в результате этот том так и не состоялся. Из оглавлений других томов были вычеркнуты или затерты имена М.А. Петровского, Б.И. Ярхо, арестованных по «Делу немецко-фашистской контр-революционной организации на территории СССР», имя В.И. Жирмунского «то пропадает, то вновь возникает» в зависимости от его арестов [Из воспоминаний..., 2014, с. 255]. Л.Б. Каменев, являвшейся одним из трех главных редакторов издания, арестован и расстрелян в 1936 г. по делу «Троцкистско-зиновьевского центра»,

¹ III и IV тома вышли в 1933 г., VI — в 1934, VII, VIII, IX, XI — в 1935, X — в 1937, V — в 1947, XII — в 1948 и XIII — в 1949 г.

и начиная с 7 тома его имя исчезает с обложки книг. Несколько раз арестовывали и самого А.Г. Габричевского, который в 1935 г. был сослан в Каширу, и после него руководителем издательского проекта стал переводчик-германист Н.И. Вильям-Вильмонт, который и завершает издание к новому юбилею Гете в 1949 г.

Собрание сочинений предворяла титульная статья А.В. Луначарского «Вольфганг Гете», где была жирной линией прочерчена основная задача издания. *К текстам Гёте, — писал Луначарский, — мы прибавляем и многочисленные вводные, комментирующие статьи. Почти все они составлены так, чтобы пополнить синтетический портрет великого поэта*» [Луначарский, 1932, с. IX–LXXIX, с. X]. Какими же чертами набрасывался такой «синтетический» портрет Гете?

Этой теме была посвящена вторая вводная статья «От редакции первого тома» (в нее частично был введен упоминаемый выше текст «Перспекта»), где цитировался огромный фрагмент из статьи Энгельса «Карл Грюн. О Гете с человеческой точки зрения» (1847). Завершалась статья утверждением, что развитие современного гетеведения «должно будет привести к конечной победе намеченной Энгельсом точки зрения». «Эта ясная, глубокая и плодотворная мысль служит пробным камнем и *путеводной нитью редакторам и сотрудникам советского юбилейного издания*» [Перспектив Юбилейного собрания..., 1932, с. 11]. Или как скажет Луначарский, «в основу характеристики Гете... мы кладем суждение Энгельса о Гете» [Луначарский, 1932, с. XX].

Сутью концепции Энгельса была идея, что в Гете постоянно происходит «борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником ... Гете то колоссально велик, то мелочен; то это непокорный, насмешливый, презирующий мир гений, то осторожный, всем довольный узкий филистер... Немецкое убожество... побеждает его, и эта победа убожества над величайшим из немцев является лучшим доказательством того, что *«изнутри»* это убожество вообще нельзя победить» [Маркс и Энгельс, т. IV, с. 232–233].

Луначарский вслед за Энгельсом вводит в советскую науку формулу о «внутренней двойственности», «уродливой угодливости» немецкого классика (великий поэт и ничтожный филистер-буржуа) и подчеркивает, что целью комментариев должен стать не столько анализ «чистой» поэзии и поэтики Гете, но и «живой *социальный портрет Гёте*» [Луначарский, 1932, с. IX], его «социальные связи» [Луначарский, 1932, с. XX] — то, что может как-то оправдать его «предательство» («*изнутри*» это убожество вообще нельзя победить»), но и то что сбл-

жает его с «новым человечеством», пролетариатом. Гете объявлялся «крупнейшим представителем допролетарской культуры» [Перспектив Юбилейного собрания..., 1932, с. 9], и Луначарский ликует: «современный штаб великих вождей состоит из представителей подлинного авангарда человечества — пролетариата... С гордостью и радостью мы включаем в этот штаб великого Вольфганга Гёте. Он приходит сюда, к этому своему *социальному апофеозу*» [Луначарский, 1932, с. XX].

Такой разрыв между невозможностью победить «изнутри» буржуазное убожество и «социальным апофеозом» Гете — составляет нерв той идеологической установки, с которой приходилось иметь дело авторам юбилейного собрания Гете.

Проблема же состояла в том, что — как точно заметил А.В. Луначарский — «лица, работающие над нынешним изданием, далеко не все являются марксистскими литературоведами», однако «обладая обширной эрудицией и прекрасно зная свой предмет, наши сотрудники, даже не марксисты, постарались выбрать в этом материале то, что характеризует именно социальные связи Гёте» [Луначарский, 1932, с. IX].

Эти формулировки не были столь безобидны, как это может показаться, поскольку во время арестов и допросов сотрудников издания заставляли признаваться в создании «контр-революционной группы», которая вела активную «борьбу с марксистским влиянием» и «протаскивала в печать статьи, мобилизовавшие на открытую борьбу с марксизмом в науке» (из протокола допроса М.А. Петровского 29 марта 1935 года). Или, как под пытками «сознавался» Петровский, «всех нас, получивших первоклассное образование, связывало чувство превосходства над большевиками, посягавшими на культуру, хранителями которой мы себя считали» (там же).

Итак, новое, советское издание «русского Гёте» должно было соединить *научный комментарий* и новое «*идеологическое истолкование*» его творчества, а концепция издания «целиком совпадала с той концепцией его личности и творчества, которая в свое время была намечена Марксом и Энгельсом» [Там же]. Габричевскому прежде всего — как непосредственному руководителю издания — приходилось лавировать между подводными рифами марксизма и научной объективностью, с чем он, к слову сказать, блестяще справился. Он писал, что «в статьях и примечаниях к отдельным томам и произведениям <необходимо> по возможности полно и детально осветить творчество Гёте на основе огромного добытого мировой и особенно немецкой наукой фактического материала, критически переработав его с точки зрения принципов марксистского литературоведения» [Перспектив Юбилейного собрания..., 1932, с. 5].

Первые два подготовленные им тома остаются лучшими в этом 13-ти томном собрании сочинений Гете и образцами подготовки научного аппарата для академического издания зарубежной классики.

Комментирование произведений Гете, как это было запланировано Габричевским, состояло из трех частей: *концептуальная статья-преамбула*, *фактографические примечания* и небольшая заметка о четко осознанных и обозначенных *принципах перевода* в каждом конкретном случае. Остановимся подробнее на каждом из этих трех элементов.

Вводная концептуальная статья

Каждый том открывался *комментирующей статьей*, которая концептуально соединяла в единое целое опубликованные в томе произведения. Статьи по своей ценности и фундаментальности разнородны. С научно-поэтологической точки зрения наиболее интересны, и даже филигранны, размышления Габричевского (1, 2 тт.), который сумел не только представить оригинальные концепции лирики и эпических поэм Гете, но и встроить в научный дискурс критику сталинского строя или автобиографические мотивы. Комментирующие статьи Н.И. Вильям-Вильмонта — образцово идеологичны, представляют читателям нужный марксистский образ «советского» Гете и его героев (5, 10, 12, 13 тт.).

В основе комментариев Габричевского лежит концепция «лирической формы» Гете, разработанная им уже в курсе лекций о Гете, прочитанных в 1924–1925 г. в Институте слова [Конспект курса лекций..., 2014, с. 658–740]. Во-первых, считает Габричевский, — «внутренняя структура» творчества Гете имеет абсолютную ценность для эстетики, поэтики и антропологии — изучения сознания «человека на грани двух эпох». Он рассматривает Гете только с научно-философской (а не марксистски-социальной) точки зрения как «парадигму», «внутреннюю форму», встраивая его в найденный им «ритм европейских национальных литератур, куда также включает Данте, Шекспира, Пушкина. Роль Гете уникальна, хотя и «стихийна», он «создатель и завершитель языка и литературы». Вторым исходным тезисом Габричевского становится *идея об абсолютной лиричности гетевского творчества*.

В первом томе это положение подробнее раскрывается посредством комментариев и переводов его лирики: величие Гете в том, что стихию лирического он впервые выразил как непосредственное «поэтическое содержание», «чистый лиризм». До него лирика была описательной, лишь повествующей о внутренних состояниях поэта,

но Гете впервые включил в поэзию совершенно новые и до него принципиально невыразимые области, «мимолетные», «неуловимые состояния человека», движение жизни. После него лирика не могла остаться риторикой, теперь это, как пронизательно замечает ученый, «*ритмические сгустки потока прозаической речи*».

Развитие поэтики Гете (анакреонтика, «буря и натиск», классика, поздний стиль) Габричевский связывает с обогащением и утончением выразительности «словесной ткани» и расширением «предметной сферы» — от «центробежной экспрессии» («я» как бы порождает мир из себя) через «пластическую» центростремительную форму («я» уничтожается в созерцании замкнутого в себе образа, а словесная ткань «оплетает» предметы) до синтетической ступени (овладев законами бытия, оно обозревает мир как живую игру мыслей и чувств, явлений и законов), от символа к бесконечности аллегории, когда «каждый кусок бытия ценен теми бесконечными связями, которые существуют между ним и бесконечным множеством других вещей».

Исследователями уже было отмечено, что размышления Габричевского пронизывают автобиографические мотивы — и мечта об Италии [Комолова, 2000], и идея внутреннего «переустройства» при невозможности «перестроить реальный мир» [Габричевский, 2011, с. 188–189].

Критика буржуазной Германии XVIII века, ставшее общим местом марксизма (по словам Ф. Энгельса, «это была одна гниющая, разлагающаяся масса»), позволяла, не вступая в открытый конфликт с властью, вводить вполне прозрачные аллюзии на сталинскую Россию, что и делает Габричевский. Вот он описывает гетевский Веймар: «...в политически бесцветной и отсталой обстановке тогдашней Германии все творческие усилия немецкой буржуазии, с одной стороны, неизбежно направлялись по руслу чисто интеллектуальной и художественной культуры, с другой стороны — каждый подъем и продвижение по этому руслу приводило если не к катастрофе, то во всяком случае к капитуляции перед косностью и мертвенностью общественной жизни» [Габричевский, 1932, с. 16]. Несомненно, можно прочитывать этот пассаж и как историю культурной «катастрофы» со многими культурно-просветительскими и научными учреждениями первых лет советской власти, в тот числе и разгон ГАХН.

Рассуждая о том, что «двойственность» жизни Гете в Веймаре «заставляла поэта искать такую постановку проблемы личности, которая намечала бы пути ее роста и совершенствования не в антагонизме, а в согласии с объективными законами природы и истории», Габричевский, возможно, не только делает обязательную для цензуры

отсылку к советской формуле о «двойственности» Гете, но пытается объяснить самому себе свою собственную «проблему личности» в сталинской России.

Завершение этого вводного комментария к тому было совсем не юбилейным. Его последняя фраза — «...каждое освобождение *«изнутри»* трагически сопровождалось порабощением *«извне»*». Гетевская «свобода духа», которую неоднократно подчеркивал ученый, была враждебна любому тоталитаризму — и политическому, и эстетическому. Словечко Энгельса *«изнутри»*, процитированное и Луначарским в статье «Вольфганг Гете» не случайно возникает в финале статьи Габричевского (и тоже в кавычках) как цитата Гете, рождая ироническую переключку и трагически усиливая высказанную свободным *«изнутри»* ученым идею внешнего «порабощения».

В связи с юбилейным собранием сочинений Гете следует упомянуть еще одно имя, которое также исчезло из этого издания — имя Фридриха Гундольфа. Так, единственный экземпляр первого тома собрания сочинений Гете в РГБ, сохранился со статьей Луначарского «Вольфганг Гете» только до страницы XXXII, завершаясь фразой: «Культурно-художественная атмосфера, которая окружала Гёте, его первые живописные, литературные и театральные впечатления относились к веселому и грациозному стилю рококо». Исчезло всякое упоминание немецкого литературоведа, концепция которого была подвергнута Луначарским жесточайшей критике. Того самого Гундольфа, «решительное» влияние которого на свое понимание поэзии Гете Габричевский отметил еще в 1922 г. в статье «К поэтике «Западно-восточного дивана», подчеркнув «блестящий анализ» и назвав его наряду с Г. Зиммелем, «единственными истолкователями» Гете [Габричевский, 2014, с. 67]. Гундольф в 1920–1930-е годы был учеником немецкого поэта Стефана Георге и входил в его эзотерический кружок (George-Kreis), принимавший активное участие в формировании важнейших политико-идеологических концептов «консервативной революции» и идеологии нацизма.

Луначарский критикует Гундольфа за его «внешне блестяще выполненный, но по существу неверный труд», за его «по существу неверную» попытку *«изобразить склонившегося перед действительностью Гёте как вершину всяческой мудрости»*, за рассуждения «о целом и части, о необходимости для личности подчиниться этому целому». Нарком-литературовед выступает против тезиса Гундольфа, который написал, что природная сущность Гёте была, как каждая природа, тем более как гениальная природа, не социальна [Gundolf, 1916, s. 279]: Несчастному Гундольфу не приходит в голову, — насмеха-

ется Луначарский, — что одно дело — «социальность, которая может сделать гения великим и радостным сотрудником здорового общества, другое дело такая социальность, которая сгибает гения в бараний рог и заставляет его пресмыкаться перед ничтожеством» [Луначарский, 1932, с. XXXVII]. «При всех высокопарных фразах господ Гундольфов, — он особо подчеркивает эти слова, — нужно сказать, что в них немецкая пошлость, победившая, по Энгельсу, величайшего немца, хочет довершить эту свою победу и изобразить склонившегося перед действительностью (то есть господствующими классами) Гете как вершину всяческой мудрости» [Луначарский, 1932, с. XXXV].

Речь идет о фундаментальном и одном из самых авторитетных среди германистов труде Гундольфа «Гете» (1916) [Gundolf, 1916], третья часть которого называлась «*Entsagung und Vollendung*» и о его попытке выявить *высшую органическую целостность индивидуального начала*.

Вокруг этих понятий разгорелась дискуссия между марксистами и «буржуазным» немецким литературоведением. Как мы видим, Луначарский критикует Гундольфа, опираясь на авторитет Энгельса. В своей большой биографии Гете, — замечает Луначарский, — Гундольф исходит из представления о том, что судьба человека определяется его характером, его «энтеллехией». С этой точки зрения, по Гундольфу, гетевская судьба вся полна единой светлой закономерностью; смысл ее заключается в том, что Гете должен был из «прекрасной натуры» сделаться «прекрасной культурой»; и так как, по мнению того же Гундольфа, это вполне удалось Гёте, то он и предстоит перед нами как «классический человек».

Луначарский улыбается, ведь «марксист не может читать без улыбки все эти утверждения <...> меткие стрелы Энгельса попадают в высокопарно-красноречивого и возвышенно-туманного, но, в сущности, довольно-таки пустого Гундольфа» [Луначарский, 1932, XXXX].

Действительно, понятие «*Entsagung*» — самоотречение, примирение — толковалось Гундольфом как главный жизненный и философский итог, к которому Гете пришел в последние годы жизни. Слова «самоотречение» (*Entsagung*) и «самограничение» (*Selbstbeschränkung*), введенные в гетеведение Гундольфом, проходят красной нитью через многие работы Габричевского о Гете, где соотносятся не только с жизненной позицией «зрелого» поэта, но и с трагедией Вертера и Фауста, Вильгельмом Мейстером и Тассо, героями «Избирательного сродства» и даже с лирическим «я» «Дивана». *Entsagung* оказывается для Габричевского «сутью» поэтического сознания вообще как трагический опыт поэта.

Второе понятие *Vollendung* — «свершение», завершение личности поэта. Габричевский пишет: *Entsagung = Vollendung*. Самоотречение

(или «примирение») — это и есть «свершение», завершение личности поэта как таковой. Можно с уверенностью предположить, что подобный образ Гете-мудреца в корне противоречил уже идеологически трансформированному к началу 1930-х гг. образу «поэта-филлистера», на который ссылается Луначарский.

Вынужденный делать в своих комментариях отсылки к идеологическому и «социальному» образу Гете, Габричевский пишет: «Конечно, многое в необозримом лирическом наследии Гете художественно незначительно и носит действительно случайный характер, мало того, может даже показаться плоским, однако все эти «отписки» и банальности сразу же делаются осмысленными и полновесными, будучи включенными в общий контекст его жизни и творчества». Или: «...каждое его лирическое стихотворение, даже тогда, когда оно идейно бедно или формально несовершенно, имеет свой неповторяемый, индивидуальный “тон”». Эти фразы помогают завуалировать истинное намерение ученого, и постепенно выясняется, что главной темой статьи является не «идейно бедная» поэзия, а жизненная судьба поэта — «примирение» гения, который подчиняется неумолимым законам природы. *Entsagung* = *Vollendung*: «Титан, сверхчеловек принужден смириться, одинокому художнику и мыслителю остается один путь — от самоизживания и утверждения личности к ее самовоспитанию и ограничению».

Этот пассаж как бы отсылает к официально-двойственному портрету Гете — «вынужденного» жить в «убогой» обстановке и поэтому вынужденного смириться. Но все же это не вульгарно-социологическое «смирение» Гете перед обстоятельствами, как это описывает Энгельс и вслед за ним Луначарский, а философское «примирение» с высшими законами бытия. В такой «тайной» стратегии статьи подспудно пробирается и философская рефлексия Габричевского о себе самом, и реплика в защиту гетеведения Гундольфа, и внутренний глубокий протест против идеологической инструментализации любимого поэта.

Комментирующая статья А.Г. Габричевского «Молодой Гете» [Молодой Гете, 1932, с. 11–30] **во втором томе** Юбилейного собрания сочинений посвящена творчеству Гете эпохи «Бури и натиска», она предваряет публикацию его четырнадцати юношеских пьес и фрагментов.

«Молодой Гете» — второе концептуально значимое понятие для Габричевского (наряду с абсолютной лиричностью гетевского творчества), поэтому с объяснения его значения он начинает свою статью. Гениальность Гете — считает ученый, — состоит не только в безусловной поэтической одаренности, выделявшей его на фоне современников. «Поэтические образы» молодого Гете «как в зародыше» уже содержат в себе парадигму мировоззрения всего XIX в., «питая» все последующее

развитие европейской научной и философской мысли. В эпоху «штюрмерства» на развалинах риторической культуры рождается особое мироощущение — Габричевский характеризует его словами «юношеская страстная любовь к жизни», «переизбыток силы и бодрости», «динамическое» чувство бытия» [Молодой Гете, 1932, с. 12]. Поэтому слова «молодой Гете» — это не просто обозначение хронологического этапа жизни поэта, а характеристика этого нового рождающегося вместе с Гете «самочувствия» и «настроения» культуры.

Новую культуру Габричевский соотносит с построением нового образа «динамичной» природы. Природа как «огромное живое целое..., само себя создающее в могучем борении сил» [Молодой Гете, 1932, с. 16]. Человек в такой картине мира воплощает тот же самый комплекс переизбытка сил — созидательных и разрушительных, он «титан» и «гений», он действует как сама природа. С одной стороны, «клокочущая, распирающая грудь энергия хочет излиться из нее, слиться с природным целым». С другой — «гордое» самоутверждение личности, создающей свой мир, отвоёвывающий его у других, как пишет Габричевский, «презирая и сокрушая все то, что ей навязывается извне», отыскивая природный первоисточник в своем сердце, «переживая» мир с максимальной космической полнотой. Отсюда титанизм героев «бурных гениев», отсюда — центральная трагическая проблема эпохи, «бунтарская» реакция на мир наталкивает Гете на новую драматическую форму и драматический сюжет.

Концепция трагического конфликта Гете, как она представлена в комментариях Габричевского, безусловно связана с его собственной эпохой XX в. Как мы уже упоминали, основу гетевской поэтики образует лирическое начало, — эту мысль Габричевский подчеркивает практически в каждой статье о Гете, поэтому в драматических произведениях поэт преобладает над драматургом, а трагедийное начало вообще чуждо его творческому принципу преодоления всяких противоречий.

Но тем не менее Гете создает *драматические фрагменты как попытку найти выход из той жизненной ситуации*, в которой он жил. Ученому удастся связать поэтику Гете с социальной установкой, которую требовала официальная концепция Юбилейного собрания сочинений. Он превращает официальную версию о двойственности Гете, сломленного «убогой» атмосферой княжеского Веймара, в основу трагического конфликта, носящего абсолютный, неразрешимый характер именно потому, что косность и человеческая пошлость неискоренимы ни при какой власти. С одной стороны, он пишет, с оглядкой на цензуру: «Гете творил в обстановке глухого политического безвременья, где не имел перед глазами образцов подлинной

исторической жизни и борьбы». Но следующий корректирует этот тезис: «...конфликт между героической личностью и средой кончается трагически не потому, что личность гибнет в борьбе, а потому, что она в конце концов оказывается бессильной осуществить свой замысел, который искажается, душится, засасывается тупой косностью (Gravitation) и липким илом (Schlamm) человеческой пошлости» [Молодой Гете, 1932, с. 21]. Немецкие слова, введенные в текст и как бы «цитирующие» немецкие тексты Гете, имеют лишь косвенное отношение к смыслу высказывания, а скорее несут нагрузку усиления отрицательно-оценочного смысла. Когда Габричевский переводит «Gravitation» (гравитация) как «косность», в том числе, и следующем далее отрывке из письма Гете Гердеру («условия коснения и конечного перевеса ничтожества»), или намекает на метафору из стихотворения «Ксеркс», посвященного знаменитому персидскому царю, присланного Мерком своему молодому другу Гете («...кто погружал в ил благополучие целых народов...»), можно предположить, что он пишет не столько о Веймаре, сколько вводит аллюзии на современность, а возможно, и современного грузинского «Ксеркса».

Габричевский комментирует эпизод Крестьянской войны эпохи Реформации в драме «Гец фон Берлихинген», где Гете изображает бунт против княжеской власти во имя восстановления патриархальных отношений. Согласно Габричевскому, Гете в этой драме выстраивает трагически неразрешимый конфликт между природой и цивилизацией. В ее финале герой трагедии, обращаясь к жене, по сути, делает программное для штюрмеров заявление: «Я оставляю тебя в развращенном мире, приходит время обмана, ему дана полная свобода». Гетевский конфликт природы и цивилизации у Габричевского оборачивается конфликтом психологическим. Герои ранних драм и драматических фрагментов Гете гибнут оттого, что их героические замыслы оказываются бессильными перед человеческой «пошлостью» и «косностью». И здесь тоже сквозь комментирование Гете явно проступает критика современной культуры 1930-х гг.

Такой же подход — опираться на идеи известных «буржуазных» литературоведов и философов, не называя их имен — применяет и В.М. Жирмунский, когда в **девятом томе**, в статье, посвященной «Поэзии и правде», практически цитирует работу Вильгельма Дильтея «Переживание и поэзия» [Das Erlebnis und die Dichtung, 1905], пишет, что в противоположность марксистскому взгляду новая буржуазная критика вводит в эстетику принцип художественного индивидуализма: произведение искусства есть выражение личности поэта, дневник, исповедь: его художественная значимость определяется оригинально-

стью и значительностью творческой личности поэта, воплотившего в нем свои переживания» [Жирмунский, 1935, с. 8]. Здесь же он истолковывает уже рассмотренное нами понятие «примирение», как и Габричевский — через Гундольфа, а не через Энгельса: «Гете-классик проповедует примирение с жизнью, оправдание действительности, отказ от индивидуализма и «бунтарства» во имя «объективных» законов, осуществляющихся в жизни» [Там же, с. 11].

М.Н. Розанов, комментируя в **третьем томе** драмы «Генерал национальной гвардии» и «Мятежные», ставит вопрос об отношении Гете к революции — один из ключевых вопросов для марксистского гетеведения. Он замечает, что Гете занял «выжидательную позицию», как «человек мирный, избегавший даже в драме сильных трагических положений». Тезис о двойственности Гете звучит в его тексте совершенно интеллигентно и неузнаваемо, без отсылок к «предательству» и «убожеству»: «По природе своей он не мог быть сторонником революционных переворотов. В этом его поддерживало и происхождение из бюргерства, консервативного в политических взглядах, и вращение среди аристократической придворной среды в Веймаре...» [Розанов, 1933, с. 37–38]. Разве слова «революционный переворот», сказанные в отношении Французской революции не звучат отсылкой к революции в России?! Впрочем, как и весь пассаж о революции! Неудачи драм Гете о революции Розанов связывает с тем, что эти пьесы внушены ему извне, «навязан текущими грозными событиями», которые он не переживал так глубоко и захватывающе, как было с другими его жизненными впечатлениями: «Революция заинтриговала, оглушила его, но не была им внутренне пережита, не была вписана неизгладимыми буквами в его духовную жизнь» [Там же, с. 42]. Последняя фраза статьи, значительную часть которой занимают рассуждения о революционности Гете, просто отмечает идею Энгельса о «двойственности» Гете, да и сам тезис марксизма, что «немецкое убожество победило Гете»: «Целостность созданных Гете типов, органически связанных со своим творцом, вполне гармонирует с целостностью его необычайной личности» [Там же, с. 41].

С другой стороны, интересно отношение к вопросу о религиозности Гете Н.И. Вильям-Вильмонта, который вместо Габричевского будет руководить продолжающимся изданием. Даже в 1980-е годы он остается на позициях вульгарного социологизма, считая, что Гете, «не веривший в революционную готовность немецкого народа, видел в современности всего лишь переходный этап истории. Гете не мог не блуждать, не ошибаться, не давать порою неверных оценок движущим силам всемирно-исторического процесса» [Вильмонт, 1985, с. 9–11] и

множество других подобных тезисов.

В комментариях других томов Юбилейного собрания сочинений уже с трудом удавалось избежать вульгарного социологизма и отсылок к марксизму в характеристике Гете. Все они в целом построены по одному принципу: «гнет полицейско-бюрократического строя», «анархический бунт» Вертера; «бунтующие порывы к свободе и творчеству» не смогли «отлиться в четкие формы организованной борьбы» [Коган, 1934, с. 15] и т.д.

Фактографические примечания

Если в статье «От редакции» и в «Проспекте к Юбилейному собранию сочинений» авторы обосновывают необходимость использовать в комментариях «огромный добытый мировой и особенно немецкой наукой *фактический материал, критически переработав его с точки зрения принципов марксистского литературоведения*» [Проспект Юбилейного собрания..., 1932, с. 5], то уже непосредственно в комментариях к первому тому Габричевский, почти повторив первую часть фразу, даже не упоминает о «принципах» марксизма [Гете, 1932, т. I, с. 7]. Здесь же ученый делает важное замечание о том, что редакция планирует русское издание Гете, приближающееся по типу к «*академическим изданиям*» — «как опыт введения советского читателя в сокровищницу одного из величайших мировых художников и мыслителей». Поэтому, — пишет он, — примечания должны предоставлять читателям «*научно проверенный фактический материал и критический аппарат*». Задача такого издания — *натолкнуть читателей на дальнейшие «более углубленные социологические и эстетические изыскания*» [Там же, с. 7].

И действительно, в комментариях и примечаниях были учтены большинство существующих к тому времени авторитетнейших комментированных изданий Гете (Виехоф, Дюнце, Бурдах) с точными библиографическими отсылками. Заметки Габричевского очень основательны, информативны и четко структурированы, выполнены с учетом старой академической традиции научного комментария: 1) основной фактический материал, касающийся творческой и библиографической истории каждого стихотворения, 2) комментарий, «построенный главным образом на привлечении параллельных мест из лирики и из других произведений Гете, включенных в настоящее издание, и на широком использовании высказываний самого автора о данном произведении» [Гете, 1932, т. I, с. 533], 3) перечень существующих русских переводов.

Комментарии о принципах перевода текстов Гете

Большой объем комментариев посвящен разъяснению специфики переводов, сделанных специально для этого издания. Это был важный для Габричевского, как руководителя издательской группы, вопрос, поскольку в начале 1930-х годов он сам разрабатывает новые «принципы перевода», добиваясь «максимально полноценного и эквивалентного художественного перевода», то есть перевода, который был не подражанием, ни стихотворным пересказом, но «передачей подлинника во всей его выразительной полноте, с соблюдением всех стилистических и формальных особенностей, свойственной языку поэзии» [Перспектив Юбилейного собрания..., 1932, с. 7]. Соблюдение этих принципов необходимо, поскольку, как считает Габричевский, главная задача переводчика — «воссоздать автора». Отсюда вытекают два важных требования. *Во-первых, требование точности*, отсутствие привнесений «от себя». Однако, «не стесняя поэтов требованием совершенной точности, что было бы равносильно требованию невозможного, редакция старалась всемерно бороться со всякими не-авторскими элементами» [Гете, 1932, с. 9].

Второе требование, подчеркивает в комментариях к первому тому Габричевский, «исходить из самого понимания художественного произведения как *органического целого*, все элементы которого равноправно участвуют в создании воспринимаемого нами комплекса». Это его важнейший принцип, который опирается на собственную концепцию «абсолютной лиричности» гетевского творчества, о котором мы уже упоминали выше. Он считает, что переводиться должна не какая-нибудь одна сторона произведения — мысль, образность или фонетическая структура: «Иная мысль в стихах сильна именно своим образным содержанием или своей формулировкой», следовательно, «нормальный» перевод — тот, который передает *цельный комплекс*, «передает в материале иного языка всю поэтическую систему подлинника» [Там же, с. 10]. И наконец, перевод всей системы оригинала, считает ученый, требует от переводчика «не только аналитической разборчивости, но и *полного синтетического восприятия подлинника*» [Там же]. Такой перевод Габричевский предлагает называть синтетическим, считая, что настоящей близости к подлиннику — по существу — может достичь только *синтетический перевод*.

Новые переводы всех произведений Гете стали важнейшей задачей юбилейного издания, в первый том было включено более 400 стихот-

ворений, впервые переведенных на русский язык и «полностью» соответствующих подлинникам «по числу строк и по общей метрической конструкции» [Там же, с. 12]. В примечаниях всегда оговаривались исключения и иногда помещался какой-нибудь классический перевод Гете — для сравнения с новым «синтетическим» переводом.

В переписке с авторами Габричевский неоднократно просит прислать заметки о принципах перевода, намереваясь включить их в научный аппарат. Так, он пишет В.И. Иванову в Рим: «не могли бы Вы совсем кратко, хотя бы в нескольких строчках, изложить те принципы перевода, которых Вы придерживались при передаче данной вещи. Я об этом прошу всех без исключения участников нашего дела, ибо пришел к заключению, что таким образом некоторая неизбежная пестрота в облике тома может даже превратиться в достоинство... Думаю, что такого рода приключения *значительно повысят научный интерес издания, включив проблему перевода в круг проблем научной интерпретации подлинника вообще*» [Два письма..., 2003, с. 307].

С такой же просьбой он обращается к М.А. Кузмину (письмо от 29 декабря 1929 г.): «К тому же у меня к Вам еще маленькая просьба: не согласились бы Вы в нескольких строках изложить принципы, коих Вы придерживались при данном переводе (что пытались сохранить, чем пришлось жертвовать и т.п.). Я хочу каждой вещи предпослать такую заметку переводчика, для того чтобы сгладить ту пестроту, которая неминуемо получится при наличии очень многих участников; кроме того, полагаю, что это повысит и научный вес издания» [Габричевский, 2014, с. 280].

Не менее интересна дискуссия о переводах с Б. Пастернаком, которому также были заказаны переводы Гете. Так, из письма Пастернака можно понять, что правка Габричевского-редактора была условием публикации текста: «Мы живем противоречьями, люди доискиваются квадратуры круга и изобретают *perpetuum mobile*. И оба, зная одинаково хорошо, что перевод поэтических произведений просто немыслим, мы оба работаем при таком деле: Вы — как редактор, я — как переводчик. Перевод не может быть удачен, даже если бы выбрать только род неудачи из всех неизбежных ее родов. Я его и выбрал» [Гетеана, 2014, с. 275].

Во втором томе такие заметки о принципах перевода становятся частью комментариев (С.С. Заяицкий, Н.Н. Вильям-Вильмонт, П.Г. Антокольский, С.В. Шервинский, Б.И. Ярхо и др.). Так, например, Заяицкий в примечаниях к пьесе «Совиновники» специально оговаривает особенности своего перевода, использование глагольных рифм, «театральную интонацию», торжественные сентенции, французские

слова и т.д. [Заяицкий, 1932, с. 545]

Или, например, Вильям-Вильмонт, комментируя свой перевод драмы «Сатир или обоготворенный леший», отмечает частности перевода: «драма не лишена ритмических трудностей, мало знакомых русскому стихосложению. Переводчик повсюду старался придерживаться метра и ритма подлинника, равно как и чередования мужских и женских рифм» [Вильям-Вильмонт, 1932, с. 550]. Такие детали, которые, возможно, были не слишком понятны обычному читателю, придавали изданию академический характер, чего и добивался Габричевский.

Наиболее сложными оказались **комментирование «Фауста»**, которое должно было составить V том и включать в себя статьи и примечания Луначарского и Розанова [Перспектив Юбилейного собрания..., 1932, с. 13]. Можно предположить, что редакция исходила из принципа представить две разные точки зрения — марксистскую и культурно-историческую. Однако Луначарский умер в 1933 г., Розанов — в 1936 г. И работа была остановлена вплоть до 1947 г, когда Вильям-Вильмонт подготовил текст Гете к публикации и написал комментарии.

Фауст всегда ценился марксистской критикой, которая видела в нем идею прогресса, стремление создать новый мир (не случайно Луначарский написал по мотивам гетевского «Фауста» драму «Фауст и город»). Как скажет Луначарский, «Фауст», наносил удар отходящему в прошлое феодализму, мещанскому уюту и консервативному укладу жизни. Как ни странно, именно вторая часть трагедии, которая весь XIX век воспринималась с большим скепсисом, оказалась близка своей социальной утопией — утопии советской. Например, сцены в императорском дворе толковались как критика существующего общественного порядка. А центром трагедии стала сцена, когда Фауст произносит свою знаменитую фразу «Остановись мгновение, ты прекрасно». Луначарский неожиданно ее интерпретирует так: *«кульминационным пунктом для Гете оказалась как раз та общественность, которую он как будто бы отвергал. Свободный народ, переставший искать бога в небе, крепко стоящий на земле, отвоевывающий трудом каждый, все лучший и лучший день своего существования, то есть свободный трудовой коллектив в борьбе за власть над природой, — вот что показалось Гете прекраснейшим»* [Луначарский, 1932, с. IXX].

Интересно, что в то же самое время интерпретация «Фауста» заинтересовала и Габричевского, который опубликовал сразу два варианта своего текста (1928 и 1932), но не стал делать комментарии в «Фаусту» в Юбилейном собрании сочинений Гете [Габричевский, 1928, с. 34–63]².

Версия 1932 года — упрощенный и облегченный текст с характерными изменениями — хорошо показывают растущую агрессивность цензуры. Из статьи вычищена религиозная лексика: исчезли такие слова как «теософия», изъято сравнение «Фауста» с «Божественной комедией». Удален фрагмент, в котором идет речь о трагическом, разрушительном действии личности, стремящейся к абсолюту, и

² Эта же статья в сокращенном виде была напечатана: [Гете и Фауст, 1932, с. 12–28].

ее глубинной метафизической вине. В этом фрагменте можно было найти и полемику со статьей Луначарского из Юбилейного собрания сочинений — в словах о том, что глупо оправдывать Фауста «с точки зрения дешевой “сверхчеловечности”». Кроме того, был исключен, на наш взгляд, один из самых удачных разделов статьи — обширная характеристика первой части «Фауста» в обширном фрагменте *«Незадолго до своей смерти Гёте <...> человеческая личность в своем внутреннем росте»*. Показательно, что и такая деталь, как удаление из финального абзаца фразы, что Фауст «убедился в бесплодности даже самой скромной деятельности на пользу других в обстановке узкой и косной среды», говорит о чуткости цензуры (или — самоцензуры) к возможной реакции обидчивой власти. Ведь в это время Габричевский и его коллеги по распущенному ГАХН, авторы Юбилейного издания стояли на пороге арестов и в самом деле чувствовали, что в сложившейся среде уже сделать нельзя ничего.

Что же нового внес Вильмонт в 1947 г, когда создавал комментарии к V тому Юбилейного собрания сочинений? Он также рассматривает «Фауста» как трагедию «всего человечества, его исторической, социальной судьбы» [Вильям-Вильмонт, 1947, с. 10]. И в духе марксизма тридцатых годов понимает «прекрасное мгновение» как «историческое ограничение и самоограничение», которое и есть «тот мост от «трагедии Гретхен» и «Фаусту» как всемирно-исторической драме о социальной судьбе человечества» [Там же, с. 19]. Продолжает он и тезис Энгельса-Луначарского о двойственной позиции Гёте, опираясь уже на Фауста и его «две души» [Там же, с. 23]. Но теперь после опыта Второй мировой войны, комментатор связывает «фаустовскую идею» с нацистскими (в его терминологии — фашистскими) «лжевождями», с «развязной болтовней шпенглеровствующих мракобесов о фаустовском духе немецкой культуры». Идея человечества и его конечной судьбы уступила место «звериной идее расы», реакционные традиции «рейха» роковым образом восторжествовали над народными традициями, утратившими мощь подлинно массового, подлинно народного движения. И наконец, Вильям-Вильмонт переходит к описанию «ошибок и преступлений немецкого народа, оппортунизму социал-демократического учения Маркса и Энгельса», и завершает статью лозунгом в духе газеты «Правда» о Советском Союзе и советском народе, «наследнике всех лучших надежд и помыслов прошлых поколений, а потому и высокой мечты» [Там же, с. 44]. По этим цитатам хорошо видно, что комментарии произведений Гёте, проделав путь от Габричевского к Вильмонту, и встроенные в новый контекст, тем не менее остаются в любую эпоху сильным идеологическим ресурсом.

КОММЕНТАРИЙ:
ОПЫТЫ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авербах, 1932 — *Авербах А.* В начале было дело // Литературная газета. 1932. 22 марта.

Вильмонт, 1985 — *Вильмонт Н.Н.* Иоганн Вольфганг Гете // *Гете И.В.* Избранные произведения: в 2 т. М.: Правда, 1985. Т.1. С. 9–52.

Вильям-Вильмонт, 1947 — *Вильям-Вильмонт Н.И.* Предисловие // *Гете И.В.* Собр. соч.: в 13 т. / Юбилейное издание под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. М.; Л.: Худож. лит., 1947. Т. V: Фауст. С. 5–44.

Вильям-Вильмонт, 1932 — *Вильям-Вильмонт Н.Н.* От переводчика // *Гете И.В.* Собр. соч.: в 13 т. / Юбилейное издание под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. М.-Л.: Худож. лит., 1932. Т. II: Юношеские пьесы и эпические поэмы. С. 550.

Габричевский, 1928 — *Габричевский А.Г.* Гете и Фауст. // Гете. Фауст / пер. В.Брюсова; ред. и коммент. А.В. Луначарского и А.Г. Габричевского. М.; Л., Гос. изд-во, 1928. С. 34–63.

Габричевский, 1932 — *Габричевский А.Г.* Лирика Гете // *Гете И.В.* Собр. соч.: в 13 т. / Юбилейное издание под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. М.; Л.: Худож. лит., 1932. Т. I: Лирика. С. 13–40.

Габричевский, 2011 — Александр Георгиевич Габричевский: Биография и культура: документы, письма, воспоминания / сост. О.С. Северцева. М.: РОССПЭН, 2011. 775 с., [16] л.

Габричевский, 2014 — *Габричевский А.Г.* К поэтике «Западно-восточного дивана» Гете // *Габричевский А.* Избранные труды. Гетеана. М.; СПб: Петроглиф, 2014. С. 25–69.

Гете и Фауст, 1932 — *Габричевский А.* Гете и Фауст // Гете. Фауст. Часть первая / пер. В. Брюсова; вступит. ст. П.С. Когана и А.Г. Габричевского. М.; Л.: Худож. лит., 1932. С. 12–28.

Гете, 1932 — *Гете И.В.* Собр. соч.: в 13 т. / Юбилейное издание под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. М.-Л.: Худож. лит., 1932. Т. I: Лирика. LXXX, 683 с.

Гете, 1947 — *Гете И.В.* Собр. соч.: в 13 т. / Юбилейное издание под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. М.; Л.: Худож. лит., 1947. Т. V: Фауст. 592 с.

Гетеана, 2014 — *Габричевский А.* Избранные труды. Гетеана. М.; СПб: Петроглиф, 2014. 747 с.

Два письма..., 2003 — Два письма А.Г. Габричевского В.И. Иванову (предисловие и публикация О.С. Северцевой) // Россия и Италия. М.: Наука, 2003. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. С. 302–308.

Жирмунский, 1935 — *Жирмунский В.М.* Предисловие // *Гете И.В.* Собр. соч.: в 13 т. / Юбилейное издание под общей редакцией А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. М.; Л.: Худож. лит., 1935. Т. IX: Поэзия и правда. С. 5–21.

Заяицкий, 1932 — *Заяицкий С.С.* От переводчика // *Гете И.В.* Собр. соч.: в 13 т. / Юбилейное издание под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. М.; Л.: Худож. лит., 1932. Т. II: Юношеские пьесы и эпические поэмы. С. 545–546.

**И.Н. ЛАГУТИНА. ИДЕОЛОГИЯ VS. ПОЭТИКА:
КОММЕНТАРИИ К ЮБИЛЕЙНОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ ГЕТЕ (1932–1949)**

Из воспоминаний..., 2014 — Из воспоминаний О.С. Северцевой // *Александр Габричевский. Избранные труды. Гетеана*. М.; СПб: Петроглиф, 2014. С. 253–256.

Коган, 1934 — *Коган П.С.* От «Вертера» к «Избирательному сродству» // *Гете И.В.* Собр. соч.: в 13 т. / Юбилейное издание под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. М.-Л.: Худож. лит., 1934. Т. VI.: Драммы в прозе. С. 5–17.

Комолова, 2000 — *Комолова Н.И.* «Миф» Италии и его реминисценции у Волошина и Габричевского // *Россия и Италия*. М.: Наука, 2000. Вып. 4: Встреча культур. С. 199–214.

Конспект курса лекций..., 2014 — Конспект курса лекций о Гете в Институте слова в 1925 году // *Александр Габричевский. Избранные труды. Гетеана*. М.; СПб: Петроглиф, 2014. С. 658–740.

Луначарский, 1932 — *Луначарский А. В.* Вольфганг Гете // *И.В. Гете*. Собр. соч.: в 13 т. / Юбилейное издание под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. М.-Л.: Худож. лит., 1932. Т. I.: Лирика. С. IX–LXXIX.

Маркс и Энгельс — *Маркс К. и Ф. Энгельс*. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. Т. 4. 615 с.

Молодой Гете, 1932 — *Габричевский А.Г.* Молодой Гете // *Гете И.В.* Собр. соч.: в 13 т. / Юбилейное издание под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. М.; Л.: Худож. лит., 1932. Т. II: Юношеские пьесы и эпические поэмы. С. 11–30.

От редакции..., 1932 — От редакции первого тома // *Гете И.В.* Собр. соч.: в 13 т. / Юбилейное издание под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. М.-Л.: Худож. лит., 1932. Т. I.: Лирика. С. 3–12.

Проспект Юбилейного собрания..., 1932 — Проспект Юбилейного собрания сочинений Гете. М.; Л.: Худож. лит., 1932. 14 с.

Розанов, 1933 — *Розанов М.Н.* Драммы Гете в прозе // *Гете И.В.* Собр. соч.: в 13 т. / Юбилейное издание под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. М.; Л.: Худож. лит., 1933. Т. III: Драммы в прозе. С. 5–43.

Das Erlebnis und die Dichtung, 1905 — *Das Erlebnis und die Dichtung*. Lessing, Goethe, Novalis. Berlin: Teubner, 1905. 464 с.

Gundolf, 1916 — *Gundolf F. Goethe*. Berlin: Verlag Bondi, 1916. 795 S.

Впервые опубликовано: *Лагутина И.Н.* Между поэтикой и идеологией: комментарии А.Г. Габричевского к Юбилейному собранию сочинений Гёте (1932–1949) // *Текст. Книга*. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 137–157. DOI: 10.17223/23062061/33/8